

В школьном расписании не нашлось ни одного предмета, который бы заинтересовал меня по-настоящему. Еще не подозревая об этом, я уже был в плену у поисков истинной реальности. Математика захватила мое воображение. В арифметике я блистал до тех пор, пока дело не дошло до «практических занятий» — удела бакалейщиков. Геометрия могла бы прийтись мне по душе, но ее излагали так сухо и скучно, что увлечься ею я не смог. Меня заставляли заучивать наизусть то, чего я не понимал, и память моя, при всех своих достоинствах, отказывалась терпеть такое издевательство. Точно так же я не в силах был запоминать хрестоматийные «отрывки» из греческой и латинской поэзии. На тригонометрию я набросился с энтузиазмом, но и это увлечение сменилось отвращением, когда я узнал, что мои расчеты могут быть осквернены применением в таких вульгарных предметах, как архитектура. Единственной чистой наукой для меня осталась алгебра, и в этой дисциплине я продвигался с поразительной быстротой. Однажды в Малверне¹ учитель математики решил посвятить весь урок трем ученикам постарше, претендовавшим на стипендию, а нас, младших, посадил решать квадратные уравнения. В задачнике было шестьдесят три уравнения. Через сорок минут я поднялся и сказал: «Прошу прощения, сэр, что мне делать дальше?». Учитель не поверил, что я все решил правильно, но так оно и было. По-видимому, я просто чувствовал соотношения между числами и находил коэффициенты интуитивно. Мой ум всегда работал очень интенсивно. Именно поэтому я не в силах был потратить ни минуты на предмет, лежащий вне сферы моих интересов, хотя в чем заключаются эти интересы, я тогда еще не представлял. Узнав о существовании химии, я сразу же почувствовал, что она имеет дело с реальностью в моем понимании этого слова. Вскоре я выучил «маленького Роско»² практически наизусть, хотя в школьное расписание химия не входила. Дома, в Стритеме, я устроил маленькую лабораторию и все свое свободное время и деньги тратил на эксперименты. Быть может, стоит показать, как обычно работала моя мысль. Я отлично знал, к примеру, что петарда — это боевой снаряд; но это не помешало мне на ней подорваться. От Роско я узнал, что самое мощное и быстро реагирующее из всех известных взрывчатых веществ — хлорид азота. Мне пришло в голову растворить его в какой-нибудь летучей жидкости, ведро с которой потом можно будет оставить под дверью заклятого врага. Жидкость, рассудил я, постепенно испарится, а хлорид останется и взорвется от малейшего толчка. Потерпев несколько мелких неудач, я смешал хлорид азота с квартой бензина. Взрыв был такой, что дом едва не сгорел.

---

¹ *Малверн* — здесь: частная закрытая школа в городе Малверн (Вустершир), в которую Кроули поступил в 1892 году.

² «*Маленький Роско*» — учебник английского химика Генри Энфилда Роско (1833—1915) «Уроки по химии для начинающих».

Кроме того, я придумал, как производить искусственные алмазы. Опираясь на различные аналогии, я пришел к выводу, что истинный раствор углерода можно получить в железе, а затем его можно будет кристаллизовать обычным способом. Однако раздобыть необходимый аппарат четырнадцатилетнему мальчишке было явно не под силу, и мои алмазы так и остались чисто гипотетическими.

Кстати, о гипотезах. Я пришел к выводу, который на тот момент мог расцениваться только как гнусная ересь и отвратительное заблуждение, а именно, что все элементы суть модификации единой субстанции. Главным аргументом мне служил тот факт, что атомные веса кобальта и никеля практически идентичны, а характеристические цвета их солей наводят на мысль о том, что эти соединения являются изомерами, наподобие декстрозы и левулозы³. Сейчас это все общеизвестно, но я по-прежнему думаю, что гипотеза моя недурна — в особенности для подростка, выдвинувшего ее в начале 90-х годов и не имевшего других источников информации, кроме упомянутого томика Роско.

Эта отроческая преданность искусству Фламелья⁴ привела к забавным последствиям. Когда я отбывал в Малверне последний семестр, правление школы внезапно запаниковало и решило придать занятиям научный уклон. Так в расписании наконец появилась химия. Проявив похвальную бережливость, директор поручил вести уроки вечно страдавшему всякими хворями преподавателю классических языков, господину Фаберу — видимо, на том основании, что последний носил немецкую фамилию, а следовательно, должен был разбираться в химии не хуже самого Оствальда⁵. В результате мне приходилось постоянно поправлять его на уроках, а он ничего не мог поделать, потому что авторитетные источники, к которым он обращался за справками, неизменно принимали мою сторону. Таким образом, проблем с учебой не возникало. Но это не помешало мне натерпеться всевозможных несчастий за те три года, что я провел под опекой преподобного Чемпни. Чтобы стало понятно, каково мне пришлось, приведу несколько фактов. Когда я рассказывал разным знакомым о моих школьных злоключениях, мне никто не верил. В конце концов я сделал подборку характерных эпизодов и включил ее в предисловие к своей «Мировой трагедии»⁶. Цитирую этот фрагмент без изменений.

Детство в аду

Преподобный Г. д'Арси Чемпни, окончивший кембриджский колледж Тела Христова со степенью

---

³ *Изомеры* — вещества, одинаковые по составу и молекулярной массе, но различающиеся по строению или расположению атомов в пространстве и, вследствие этого, по свойствам. *Декстро́за* — одно из названий глюкозы, или виноградного сахара ($C_6H_{12}O_6$); *левуло́за* — одно из названий фруктозы, или плодового сахара ($C_6H_{12}O_6$).

⁴ *Фламель*, Николя (1330—1418) — французский алхимик, которому приписывают получение философского камня и эликсира жизни.

⁵ *Оствальд*, Вильгельм Фридрих (1853—1932) — балтийско-немецкий химик, физик и философ, лауреат Нобелевской премии по химии 1909 года.

⁶ «*Мировая трагедия*» — поэма Кроули, написанная в 1910 году.

магистра искусств, был закоренелым сектантом. На парламентских выборах он вычеркивал имена всех кандидатов и писал на бюллетене: «Я голосую за Царя Иисуса».

Он открыл в Кембридже, на Бэйтмен-стрит, 51, школу для мальчиков из семей плимутских братьев. Да вгрызается в кости людские мука этого ада на земле (так я часто молился) и да не будет им покоя до тех пор, пока не засыплют сие узилище солью и не предадут его вечному проклятию! Дева, прошедшая мимо него, да сделается неплодна, а жена, узревшая его, да выкинет плод чрева своего! Птицы небесные да убоятся пролетать над ним! Образом проклятия и ужаса, знаком отвращения и мерзости да пребудет оно меж людьми! Да будут ввергнуты в него нечестивые! Свет солнца да затмится над ним, свет луны не воссияет над ним! Да станет оно обиталищем мертвецов, да населят его демоны преисподней! Будь оно проклято, проклято, проклято — во веки веков!

Самую память о нем я проклиная по сей день — даже и теперь, в расцвете сил, когда с тела и души моих спали, наконец, все оковы.

Полагаю, с точки зрения экзаменаторов школа была весьма недурна. В нравственном же и физическом плане это была настоящая машина уничтожения и растреления. Не стану больше рассуждать об этом — просто представлю факты в том произвольном порядке, в каком подсказывает их память, и пусть читатель сам делает выводы.

1. Нам разрешалось играть в крикет, но не разрешалось вести счет перебежкам, дабы в нас не пробудился «греховный дух соперничества».

2. Однажды Чемпни сообщил мне, двенадцатилетнему мальчику, что так никогда и не осуществил брачные отношения со своей женой. Лишь благодаря отличной памяти на слова я понял, что он имел в виду, когда вспомнил этот эпизод много лет спустя. Он использовал куда более грубое выражение.

3. Нам твердили, что «Господь заботится о нашей школе особо, а потому выводит на свет все, что творится под покровом тьмы, и делает все тайное

явным...», и т.д., и т.п., до тошноты. «На сей раз орудием Ему послужил такой-то и такой-то, самоотверженно вышедший вперед...», и т.д., и т.п. Иными словами, добродетелей было всего две: лицемерие и подхалимство.

Естественно, из нескольких мальчишек, соучаствовавших в проступке, кто-то непременно пугался и спасал свою шкуру доносом. Доносчику всегда верили на слово, даже если рассказ его не укладывался ни в какие рамки здравого смысла. Свидетельства других очевидцев и независимые мнения в расчет не принимались.

К примеру, один мальчик, некто Гласкотт, явно страдавший каким-то психическим отклонением, заявил мистеру Чемпни, что на каникулах (когда мне было двенадцать лет) он приехал ко мне в гости, в дом моей матери (так оно и было), и застал меня в неподобающем виде. Я, по его словам, валялся пьяным под лестницей. Обратиться к моей матери за подтверждением никто и не подумал. Более того, мне самому никто не объяснил, в чем дело. Мне просто-напросто объявили бойкот: всем учителям и ученикам запрещено было заговаривать со мной, а мне — с ними. Меня посадили на хлеб и воду; в часы отдыха я в одиночестве занимался в классной комнате, а в часы уроков бродил в одиночестве вокруг спортивной площадки. Предполагалось, что я должен сознаться в преступлении, которого не совершал, при том что обвинение мне так и не предъявили.

Это наказание, которое в уголовном суде, пожалуй, сочли бы слишком тяжким даже для отравителя, я отбывал полтора семестра. В конце концов мне пригрозили исключением, если я не «признаюсь», и так красочно живописали все ужасы подобной кары («жалкий негодяй, презираемый даже себе подобными, плетется под бременем своей вины к позорной кончине», и т.д., и т.п.), что я предпочел терпеть мучения и дальше, благословляя руку палача.

Физически я был сломлен. Лишения и постоянное напряжение подорвали мое здоровье. В конце концов, у меня обнаружилась почечная болезнь, и меня забрали из школы на два года. По

справедливости должен добавить, что против меня выдвигались и другие обвинения — но, как вы увидите, почти столь же нелепые.

Какие еще проступки вменялись мне в вину, я узнал лишь благодаря вмешательству дяди (когда у того временно прояснилось в голове). Оказалось, что я будто бы пытался «совратить Чемберлена» — по счастью, не великого нашего государственного мужа, хитроумного Джо, а всего лишь его однофамильца, моего однокашника. (Напомню, что мне было двенадцать лет и я еще ровным счетом ничего не знал о сексе.) Кроме того, я «устроил кощунственную пародию на молитвенное собрание». Это я помню. Однажды я подошел во дворе к компании мальчишек, которые всегда держались заодно. Заметив меня, кто-то из них сказал: «А теперь брат Кроули начнет читать молитву, а мы подхватим». Брату Кроули стало скучно, и он отошел. Умный мальчик на моем месте направился бы напрямиком к директору и обвинил всю эту компанию разом в сорока шести непотребных грехах. Но я пренебрег своим священным долгом. А остальные, опасаясь, что я опережу их, поспешили к директору сами и заявили, что нечестивый Кроули пытался сбить их с пути истинного.

Хуже того, я назвал нашего первого ученика фарисеем. Это чистая правда. Я действительно это сказал. Как у меня только язык повернулся?! Конечно же, первый ученик, «ходивший очень близко пред Иисусом», пошел и донес.

О да, они все ходили очень близко пред Иисусом — совсем как Иуда.

4. Одного мальчика, Бартона, за какую-то мелкую кражу, в которой он, вероятно, и не был виновен, приговорили к ста двадцати ударам тростью по голой спине.

Какое грандиозное устроили над ним судилище! Сначала была молитва длиннее обычного; потом нам прочли с выражением рассказ о грехе Ахана из Иисуса Навина⁷. Затем еще часа два толковали о

---

⁷ Ахан — персонаж библейского сюжета о взятии города Иерихона сынами Израилевыми. Вопреки велению Бога, запретившего брать какие бы то ни было вещи из захваченного города

длани Господней, простертой над нашею школой, и о том, как Он все тайное делает явным. И вот мы надлежащим образом приуготовались. Затем — сакраментальный вопрос: кто украл? Молчание. Тогда Господь являет Свою заботу, предоставив свидетеля — как во время оно свидетелей против Навуфея⁸! Свидетель выступает, гладко, что твой полисмен. Затем — приговор. И, наконец, наказание — с перерывами на молитву!

Ввиду слабости здоровья, подорванного, надо полагать, чрезмерным усердием в поклонении Иисусу, Чемпни постановил шестьдесят ударов отвесить преступнику в тот же день, а оставшиеся шестьдесят — перенести на завтра.

Память меня подводит; быть может, Бартон когда-нибудь любезно поделится собственными воспоминаниями; но, насколько мне помнится, уже в первый день он подошел к смертной черте так близко, что был избавлен от продолжения казни.

Помню одну порку, доставшуюся лично мне (били по ногам, потому что бичевание ягодиц, как полагали, вводит жертву в чувственное возбуждение!): пятнадцать минут молитвы, пятнадцать ударов тростью, еще пятнадцать минут молитвы, еще пятнадцать ударов, и, в довершение, еще молитва!

5. Воскресный день безраздельно посвящался «религии». Утренние молитвы и проповедь (минут сорок пять). Утреннее «собрание» (от полутора до двух часов). Проповедь под открытым небом на Участке Паркера⁹ (допустим, еще час). <Проповеди почти целиком сводились к чистому устрашению. Кроме живописания адских мук, были еще «судилища». К примеру, над Мясником-Богохульником, который на призыв «омыться Кровию Агнца»¹⁰ отвечал: «Да-да, есть у меня тут один ягненок». И в ту же самую ночь его рассудок пошатнулся на престоле своем, и т.д.>. Чтение и заучивание Библии

(Иис.Н. 6:17—18), Ахан тайно взял одежду, золото и серебро и спрятал в земле под своим шатром, за что был жестоко казнен вместе со всей своей семьей (Иис.Н. 7:19—26).

⁸ *Навуфей* — библейский персонаж, не пожелавший продать свой виноградник царю Ахаву. Жена Ахава, Иезавель, выставила против Навуфея лжесвидетелей, которые обвинили его в тяжких преступлениях; в результате Навуфей был казнен (III Цар. 21:1—16).

⁹ *Участок Паркера* — общественный участок с полями для крикета и футбола в центре Кембриджа, названный в честь Эдварда Паркера, повара из Тринити-колледжа, которому он когда-то принадлежал.

¹⁰ ...«омыться Кровию Агнца» — ср. Откр. 7:14: «...это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца».

наизусть. Чтение какой-либо из немногих книг, «дозволенных для воскресенья» (скажем, два часа). Молитвенное собрание, именовавшееся добровольным, — но того, кто от него уклонялся, на следующий день ябедники непременно обвиняли в каком-нибудь преступлении (допустим, один час). Вечерняя молитва и проповедь (минут тридцать). Проповедь на евангельскую тему в зале собраний (полтора часа). То же самое на Участке Паркера (еще час). Молитва перед сном (около получаса).

6. «Вспомоществование убогим». Каждый понедельник вечером всю школу выстраивали полукругом в большом классе. Затем туда впускали всякий сброд из Барнсвелла (это кембриджские трущобы), кормили их, читали им проповедь и отпускали восвояси.

Результат? Эпидемии стригущего лишая, кори и свинки.

О, нет! Не в нищих дело; это Господь карал нас за некий тайный грех, так и не ставший явным.

Продолжать в таком духе можно было бы долго, но я не стану. Надеюсь, в мире найдутся счастливицы, которые сочтут, что я лгу или, по крайней мере, преувеличиваю. Однако же я ручаюсь, что все сказанное выше — чистая правда, и до сих пор живо множество свидетелей, способных подтвердить мои слова или, напротив, изобличить меня во лжи. Все имена, адреса и прочие детали приведены доподлинно.

За краткое время, истекшее от смерти отца и до моего возвращения с похорон, сама по себе школа никак не могла преобразиться до неузнаваемости. Но до того я был совершенно счастлив и пребывал в полном согласии со своим окружением. А после того не прошло и трех недель, как я превратился в изгоя. В своем стремлении вести праведную жизнь я был абсолютно искренен; мысль о тесном единении с «Иисусом» прежде преследовала меня неотступно. И как совершился со мною столь резкий переворот, я не помню. Однажды я спросил одного из наставников, почему сказано, что Иисус провел во гробе три дня и три ночи, хотя его распяли в пятницу, а воскрес он в воскресенье утром. Учитель не сумел ответить и сказал, что этого еще никто не смог объяснить. Вот я и решил стать светочем христианства, совершив то, что не удавалось до меня никому. Кстати сказать, сама идея весьма характерна. Я просто не в состоянии с интересом взяться за дело, которое уже кто-то сделал до меня. Но стоит только указать мне на

задачу якобы невозможную, как я пожертвую всем: здоровьем, богатством, самой жизнью. Я пойду на все, лишь бы ее разрешить. Видимое противоречие в евангельском повествовании не заставило меня усомниться в буквальной истинности текста. Да и вообще отпадением своим от благодати я обязан отнюдь не сомнениям интеллектуального толка: теологию плимутских братьев я не отверг. Более того, я с трудом представлял себе, что существуют люди, способные в ней усомниться. Нет, я просто-напросто перешел на сторону Сатаны, а почему — не знаю и по сей день.

Но служить новому своему господину я возжелал с такой же страстью, с какой служил прежнему. Мне не терпелось отличиться в его глазах каким-нибудь прегрешением. И здесь я опять-таки подходил к делу необычайно тонко. Мне и в голову не приходило украсть что-нибудь или каким-то иным образом преступить хотя бы одну из десяти заповедей. Это было бы недостойно и презренно. Нет, я стремился к наивысшему духовному греху, но как совершить его — не имел ни малейшего представления. Многих святых мучило нездоровое любопытство касательно «хулы на Духа Святого», что «не простится человекам»¹¹. Никто не знал, что это за грех. Даже высказывать какие-то определенные гипотезы по этому поводу считалось кощунственным. Похоже, Иисус просто сыграл со своими последователями злую шутку. Ведь в результате даже величайший из святых может быть низвержен от самых врат славы, если совершит по неведению этот непростительный грех. Здесь заключалась еще одна невозможная задача, также захватившая мое юношеское воображение: я непременно должен выяснить, в чем состоит этот грех, и свершить его со всем возможным тщанием.

Ибо положение мое, очевидным образом, было до крайности шатким. Я восстал против всемогущего Бога, а Он, невзирая на все мои попытки добиться обратного, вполне мог предопределить меня ко спасению. Сколько бы я ни отрицал божественность Иисуса, сколько бы ни чинил злодейств, Он все равно может забрать меня, как бы я тому ни противился. Единственный способ перехитрить Его — заставить Его нарушить собственное слово насчет этого непростительного греха, предъявив от ангела, записывающего деяния наши в книгу жизни, свидетельство того, что я надлежащим образом свершил этот самый грех.

Кажется немислимым, чтобы человек, поднявшийся в развитии выше уровня бушмена, положил умозаключения столь абсурдные в основу своих практических действий. Однако же они довольно естественно вытекают из кощунственных и суеверных предпосылок христианской теологии. Помимо того, мне ни на миг не приходило в голову воспринимать материальный мир

---

¹¹ ...«хулы на Духа Святого», что «не простится человекам»: ср. Мф. 12:31—32: «Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем».

всерьез. Кардинал Ньюмен в своей «*Apologia pro Vita Sua*»¹² рассказывает — и, подозреваю, совершенно искренне, — как он в детстве мечтал, чтобы сказки «Тысяча и одной ночи» оказались правдой. Как известно, чаяния сии он утолил тем, что принял за реальность фрейдистский фантазм из перекроенного на новый лад язычества под семитским соусом, — благодаря чему и получил свою кардинальскую шапку. Но я пошел дальше. Рассудок и здравый смысл внушили мне подсознательный страх перед тем, что вера в сверхъестественное может на поверку оказаться заблуждением. И страх этот оскорблял мое глубиннейшее самосознание. Но ответ был не в том, чтобы принять иллюзию за реальность, а в том, чтобы решиться сделать ее реальностью. Я пылко вознамерился отыскать духовные причины материальных явлений и с их помощью обрести власть над материальным миром, который был мне ненавистен. Я не довольствовался верой в дьявола как некую условную личность и служением ему в обычном смысле слова. Я хотел добраться до него персонально и стать при нем начальником штаба. В поисках достойного греха, который обеспечил бы мне сан наместника дьявола, я столкнулся с тем, чего и следовало ожидать. Чемпни вечно ходил вокруг да около и бубнил об этом постоянно, но — по крайней мере, для меня — совершенно невразумительно. Я водился с мальчишками, утвердившими за собой самую дурную репутацию, и, кроме того, руководствовался в своих изысканиях интуитивным ощущением личного магнетизма или внешней привлекательностью. Но царство террора в школе было столь всевластным, что никто не осмеливался сообщить мне прямо, в чем же состоит суть этого греха, или хотя бы сознаться, что им это известно. Дело не шло дальше таинственных намеков; наконец, один мальчик, Гибсон, сказал мне, какое действие следует совершить, но не уточнил, с каким объектом. Теперь кажется невероятным, что меня не надоумила сама природа. Но я и представить себе не мог, что орган размножения способен участвовать в каком-то произвольном акте. Я строил гипотезы на основе чисто интеллектуальных соображений и проводил соответствующие эксперименты, однако на верный путь так и не набрел. Я так и не догадался, о каком именно органе шла речь. Прошел еще не один год, прежде чем открытие свершилось. Оставалось давать выход своему бунту в действиях, с теоретической точки зрения не столь предосудительных. Никаких явных преступлений я не совершал. Битва моя против школы велась, так сказать, на магическом плане: как если бы, допустим, я лепил из воска куколки самого безобидного свойства, но Чемпни, ведóмый духовным инстинктом, распознавал в них кумиров или орудия колдовства. Наказывали меня дурацки несправедливо,

---

¹² Ньюмен, Джон Генри (1801—1890) — английский кардинал, теолог и проповедник, ведущий религиозный деятель Великобритании в викторианскую эпоху. Стоял во главе Оксфордского движения, добивавшегося преобразования англиканской церкви в духе традиционных аспектов христианской веры и сближения ее с католицизмом. «*Apologia pro Vita Sua*» (лат. «Оправдание моей жизни») — автобиография Ньюмена, написанная в 1864 году.

но, в то же время, Чепни со своей мистической проницательностью не ошибался.

© Перевод: Анна Блейз
www.oto.ru